

Belarusian Economic Research and
Outreach Center

Working Paper Series

BEROC WP No. 003

НЕРАВЕНСТВО В БЕЛАРУСИ В 1995-2007 ГОДАХ

Максим Емельянов

Июль 2009

Неравенство в Беларуси в 1995-2007
годах

Максим Емельянов

BEROC и CERGE-EI

Киев, июль 2009

Белорусский экономический исследовательско-образовательный центр создан в Киеве как совместный проект Стокгольмского Института Переходной Экономики (SITE), Киевской Школы Экономики (KSE), Киевского Экономического Института (KEI) и Консорциума Экономических Исследований и Образования (EERC).

Его финансируют Шведское Агентство по Развитию Международного Сотрудничества (SIDA) и Агентство США по Международному Развитию (USAID) через Фонд Евразия.

Неравенство в Беларуси в 1995-2007 годах

Максим Емельянов

Резюме:

Неравенство доходов и потребления возросло во всех странах с переходной экономикой, но везде по-разному. Существующая литература свидетельствует о том, что страны, в которых рыночные реформы были проведены медленно и нерешительно, испытали наибольшее увеличение неравенства. Исключением является Республика Беларусь – одна из наименее реформированных стран бывшего СССР, которая, тем не менее, имеет очень низкий уровень неравенства, сравнимый с наиболее передовыми и наименее неравными странами Центральной и Восточной Европы. Эта статья изучает эволюцию неравенства в Беларуси в 1995-2007 годах, раскладывает его по источникам дохода, а также сравнивает ситуацию в Беларуси с Украиной. Разные уровни неравенства в этих двух странах обусловлены, в основном, тем, что Беларусь не только не провела массовую приватизацию, но также сохранила многие элементы советской социальной политики.

1. Предисловие.

Неравенство не является негативным явлением само по себе. Люди имеют разные способности и навыки, прилагают разные усилия, поэтому абсолютное равенство не является ни желательным, ни достижимым. Тем не менее, высокий уровень неравенства обычно связан с высоким уровнем бедности и бóльшим социальным напряжением¹, поэтому после распада плановой системы в странах с переходной экономикой неравенство доходов и потребления стало одним из важных политических индикаторов, доступных и понятных широкой публике. Во всех бывших социалистических странах произошёл рост неравенства, которое было искусственно занижено при плановой экономике, но не везде одинаково. В странах Центральной и Восточной Европы неравенство возросло незначительно, тогда как в большинстве постсоветских стран оно практически удвоилось. Существующие исследования (например, World Bank, 2000) предполагают, что в тех странах, где рыночные реформы были наиболее медленными и непоследовательными, неравенство возросло в наибольшей степени – за исключением Беларуси.

Существует много статей и книг, посвящённых неравенству в странах с переходной экономикой, особенно в России и Украине, но существующая литература о неравенстве в Беларуси не идёт дальше упоминания общего его уровня (например, Milanovic, 1998; World Bank, 2000, 2004). Данная статья заполняет этот пробел, представляя собой первую попытку детального анализа неравенства в Беларуси.

Неисследованность (или, скорее, недо-исследованность) неравенства и других аспектов экономики Беларуси неувидительна, ведь Беларусь – самая неизученная страна для западных исследователей². Благодаря фактическому отсутствию многих рыночных реформ, как в промышленности, так и в социальной сфере (что отмечают отчёты международных организаций, например, МВФ, 2005, 2006), Беларусь представляет собой интересный объект для изучения различных экономических феноменов, например, неравенства (технически, Беларусь можно считать всё ещё находящейся на ранних стадиях перехода к рыночной экономике).

В составе СССР у Беларуси был самый низкий уровень неравенства, а Украина и Россия были к нему очень близки (Dikhanov, 1996; Kakwani, 1995). У этих стран очень тесные исторические, политические, культурные и экономические связи, а также во многом схожие пути перехода к рынку (World Bank, 2002, Figure 2.1). Несмотря на это, эволюция неравенства в этих странах поразительно отличается: в России и Украине оно удвоилось в первые годы перехода к рынку (см. рис. 1), достигнув уровня самых неравных стран мира, тогда как в Беларуси она была больше похожей на Чехию и Венгрию – страны, которые не только быстро провели решительные рыночные реформы, но и построили «щедрые» системы социальной защиты по западному образцу (World Bank, 2000).

¹ Неравенство также может быть связано со смертностью. Brainerd (1998, 2002) находит статистически значимую негативную корреляцию между уровнем неравенства доходов и ожидаемой продолжительностью жизни в России.

² По состоянию на июль 2009, база научных статей Scopus содержит только 58 статей по экономике, эконометрии и финансам, содержащих слово «Belarus» в названии или кратком обзоре. О России таких статей 1442, 246 об Украине, 748 о Польше, 152 и 82 о Литве и Латвии соответственно. Что касается сравнимых по размеру и населению стран ЦВЕ, о Чехии имеется 826 статей и 675 о Венгрии.

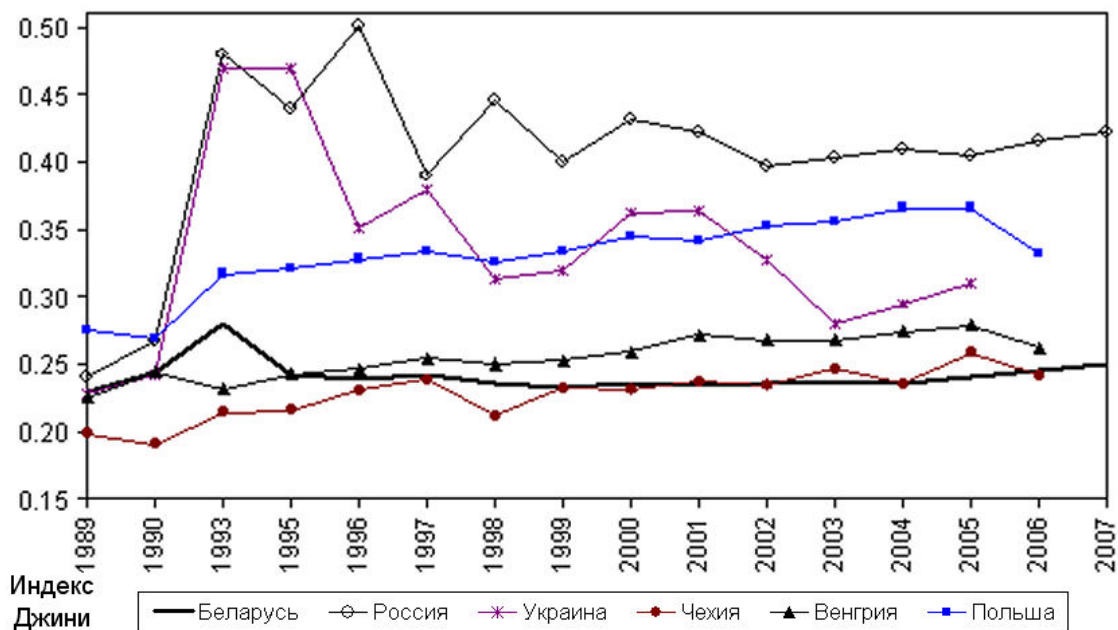

Рисунок 1. Неравенство доходов в странах с переходной экономикой, 1989-2007

Источник: База данных TransMONEE 2008 Database (<http://www.unicef-irc.org/databases/transmonee/>), UNICEF Innocenti Research Centre, Florence – где не указано иное; Milanovic (1998, таблица 4.1) – Беларусь, Россия и Украина в 1989 и 1993; Kakwani (1995, Table 20) – Беларусь, Россия и Украина в 1990; Госкомстат России (http://www.gks.ru/free_doc/2005/b05_13/06-01.htm и http://www.gks.ru/free_doc/2006/b06_13/06-01.htm) – Россия в 1997, 1999, 2002-2007; World Bank WDI (<http://go.worldbank.org/6HAYAHG8H0>) – Украина в 1996-1997, 2003-2005; вычисления автора по данным белорусского выборочного обследования домашних хозяйств – Беларусь в 1995-2007.

Эта статья имеет целью объяснить это противоречие. Используя данные белорусского выборочного обследования домашних хозяйств, она детализирует структуру и факторы неравенства доходов и расходов в Беларуси, оценивает влияние кризиса 1998 года³ и сравнивает ситуацию в Беларуси и Украине после 10 лет переходного периода.

2. Обзор литературы.

Обзор неравенства и бедности в Восточной Европе и бывшем СССР, подготовленный Всемирным Банком (Alam et al., 2005), рассказывает:

Тарифные сетки были очень сжаты при плановой экономике из-за эгалитарной идеологии и централизованным механизмам установления зарплат. (...) Новые условия рыночной экономики привели к росту неравенства зарплат. Хотя этот рост вполне согласуется с ростом производительности труда, перекосы рынка также сыграли свою роль, особенно в СНГ. Больше всех пострадали те люди, которые были наиболее уязвимы для потрясений и наименее способны адаптироваться к новым рыночным принципам: низкоквалифицированные и пожилые работники. (с. 14)

³ Это наиболее сильный макроэкономический шок, который Беларусь испытала за годы своей независимости (до начала нынешнего мирового экономического кризиса). В остальном, ситуация в стране была необыкновенно стабильной с середины 1990х гг.

Действительно, неравенство доходов и расходов/потребления выросло во всех переходных экономиках в 1990х годах⁴. В странах Центральной Европы (Венгрия, Чехия, Польша) и странах Балтии этот рост был скромным. С другой стороны, в большинстве стран СНГ он был очень драматичным. В России, Армении, Молдове, Таджикистане и Туркменистане неравенство доходов удвоилось, по данным Всемирного Банка и TransMONEE – базы данных UNICEF (основанных на данных национальных статистических ведомств⁵). Коэффициент Джини в этих странах превысил 0.5, что поставило их в один ряд с самыми неравными странами Латинской Америки. Однако в последних уровень неравенства довольно стабилен в течение многих лет, тогда как значительное ухудшение распределения доходов в странах СНГ произошло всего за несколько лет – беспрецедентная величина и скорость изменения.

Существующая литература объясняет рост неравенства тремя основными факторами:

1. Рост неравенства зарплат.
2. Налоги и государственные переводы.
3. Рост «премий за образование».

Многие авторы (например, Milanovic, 1998) утверждают, что именно рост неравенства зарплат был основным фактором роста неравенства доходов в переходный период, а не заниженное и скрытое неравенство в социалистическую эпоху. Aghion and Commander (1999) изучают неравенство в России; они утверждают, что кривая Кузнецца в этой и других странах бывшего СССР не работает, означая, что неравенство не будет уменьшаться, достигнув своего пика (как это произошло в Центральной Европе), поскольку оно очень рано достигло стабильно высокого уровня из-за очень большого неравенства доходов в частном секторе. В долгосрочной перспективе Aghion and Commander предсказывают дальнейшее увеличение неравенства как внутри, так и между группами, поскольку ухудшение образования будет и дальше увеличивать разрыв в зарплатах между квалифицированными и неквалифицированными работниками, между способными и неспособными адаптироваться. Ganguli and Terrell (2005, 2006) изучают изменения неравенства в Украине с 1986 по 2003 год. Применяя условное разложение DFL (основанное на статье DiNardo, Fortin, and Lemieux, 1996), они утверждают, что изменения в неравенстве зарплат объясняют почти весь рост неравенства доходов в целом. Хотя их влияние было меньшим, изменения в составе рабочей силы также сыграли свою роль: они привели к уменьшению неравенства зарплат среди мужчин, но в то же время к росту неравенства зарплат среди женщин (в верхней половине распределения их доходов).

Рост «премий за образование» сыграл значительно меньшую роль в СНГ по сравнению с Центральной Европой, согласно статьям Alam et al. (2005), Lindauer

⁴ Некоторые исследователи (например, Garner & Terrell, 1998; Keane & Prasad, 2002) задаются вопросом, имеет ли смысл в принципе сравнение индексов неравенства до и после начала перехода к рыночной экономике. Они отмечают искажения в социалистических данных о распределении доходов и использование опросов с различными методологиями, выборками и целями. Согласно данным Всемирного Банка (World Bank, 2000), опросы, которые проводились до начала переходного периода, не были репрезентативными, а представляли лишь отдельные социоэкономические группы населения. В результате, они имели тенденцию к завышению количества «средних» и не включали «нестандартные» домашние хозяйства (многие из которых были очень бедными). В результате распределение доходов получалось усечённым, а уровни неравенства – заниженными. (с. 142)

⁵ Luttmer (2001) утверждает, что эти данные могут быть завышены на 10-45% из-за ошибок измерения и другого «шума» в данных. С другой стороны, они могли быть занижены раньше – см. предыдущую сноску.

(1998), München, Svejnar and Terrell (2005) и Yemtsov (2001). В СНГ уровень образования имеет очень небольшое влияние на неравенство зарплат, что может быть объяснено низкой ценностью для рыночной экономики накопленного советского образования. Aivazian and Kolenikov (2001) утверждают, что изменения в спросе на человеческий капитал и навыки привели к вытеснению «советского среднего класса», т.е. относительно квалифицированных и образованных работников, которым пришлось искать другие, менее выгодные источники дохода. Этот поиск был дополнительно осложнён низкой трудовой мобильностью (в основном, географической), типичной для России. Brück, Danzer, Muravyev and Weißhaar (2007) документируют значительное число бедных в Украине в середине 1990х среди малообразованных людей с детьми. Сравнивая 1996 и 2004 годы, они находят некоторое снижение бедности и уменьшение неравенства доходов, но также отмечают увеличение социоэкономической стратификации.

Налоги и государственные переводы сыграли ключевую роль во многих странах Центральной и Восточной Европы. В Чехии, Словакии, Эстонии, Венгрии и Польше они имели выравнивающий эффект, смягчая тем самым рост неравенства доходов. В странах Балтии они не имели практически никакого эффекта. Зато в России и в меньшей степени – в других странах бывшего СССР – они, как ни странно, усилили рост неравенства, поскольку были незначительными и не адресными (World Bank, 2000).

Berkowitz and Jackson (2006) выдвигают ещё один возможный фактор. Изучая эволюцию распределений доходов в России и Польше, они выводят на первый план различные доли вновь созданных предприятий. Они утверждают, что в Польше большее количество фирм, создаваемых с нуля, способствует более равномерному распределению доходов, поскольку оно обеспечивает как бóльший доход, так и бóльшую долю дохода для самых бедных слоёв населения, тем самым уменьшая и бедность, и неравенство.

В общем, страны, которые провели более быстрые и решительные рыночные реформы, испытали наименьший рост неравенства⁶, тогда как страны, отставшие с реформами, или проводившие их неполно и непоследовательно, испытали наибольший его рост. World Bank (2000) объясняет это тремя связанными институциональными факторами: (1) неспособность претворить в жизнь меры, которые позволили бы рынкам товаров и факторов производства работать эффективно; (2) влияние на органы власти заинтересованных кругов, которые блокируют реформы; (3) широко распространённая коррупция государственных чиновников (с.163-164).

3. Институты и экономика Беларуси.

После распада СССР в 1991 году во всех бывших советских республиках был отмечен резкий спад производства и макроэкономическая нестабильность. В Беларуси падение было наиболее глубоким в 1992-1994 годах; также это были годы первых нерешительных рыночных реформ. С середины 1990х страна начала восстанавливать централизованный контроль государства над экономикой. Тогда как некоторые реформы всё-таки были проведены (например, де-регулирование цен и частичный отказ от «перекрёстного субсидирования» в области энергетики), экономика Беларуси была и остаётся до сих пор под строгим контролем государства. Доля частного сектора в ВВП составляет всего 25%, это наименьший показатель для всех стран с переходной

⁶ Беларусь сразу же обращает на себя внимание, поскольку это одна из наименее реформированных стран бывшего СССР, которая, тем не менее, имеет очень низкий уровень неравенства.

экономикой, за исключением Туркменистана (МВФ, 2005). Большинство населения работает на государственных предприятиях: по данным Национального Статистического Комитета, в 1995 году эта доля составляла 60%. Хотя в дальнейшем она снижалась, достигнув 50% в 2007 году⁷, на крупных государственных предприятиях по-прежнему работают почти столько же людей, сколько во времена СССР.

Что касается инфляции, белорусскому правительству удалось «обуздать» её лишь в начале 2000х годов, а не в конце 1990х, как в большинстве бывших социалистических стран. Российский кризис 1998 года сильно ударил по Беларуси из-за очень тесных экономических связей между двумя странами⁸. Инфляция в Беларуси (индекс потребительских цен) достигла 182% в 1998 году и 251% в 1999. Даже в 2007 году, через 16 лет после распада СССР, она достигла 12%, что по белорусским меркам немного, но является высоким уровнем инфляции в сравнении с другими странами с переходной экономикой. Сначала инфляция⁹ сопровождалась быстрым обесцениванием национальной валюты – белорусского рубля, но с 2003 года (и до 2 января 2009) он был фактически привязан к доллару США (см. таблицу A1 в англоязычной версии данной статьи – Yemelyanau, M. (2009) "Inequality in Belarus from 1995 to 2007". BEROС Working Paper No. 001).

В отличие от других пост-социалистических стран, Беларусь быстро справилась с падением ВВП. С середины 1990х наблюдался устойчивый рост, иногда достигавший 10% в год. Однако, это не оказывало большого эффекта на реальную среднюю заработную плату: после кризиса 1998 года она упала до 40 USD в месяц, достигнув 100 USD (символический уровень, намеченный белорусским правительством задолго до этого) лишь в 2003 году, 200 USD в 2005 и 300 USD в 2007.

Безработица оставалась очень низкой в течение всего переходного периода, но лишь по официальным данным, которые не учитывают скрытую безработицу и излишних работников крупных государственных предприятий.

Одна из особенностей белорусского перехода к рынку – несмотря на уровни инфляции, реальной з/п, обесценивания национальной валюты, другие экономические показатели, сравнимые с Россией и Украиной, - в Беларуси не было такого же роста неравенства (см. рис. 1). В трёх советских республиках, вступивших в переходный период с одинаково низким уровнем неравенства, его дальнейшая эволюция была очень разной: в России и Украине оно удвоилось уже к середине 1990х, тогда как в Беларуси оно осталось на уровне таких наиболее успешных переходных стран, как Венгрия и Чехия. Даже в Польше неравенство возросло больше, чем в Беларуси.

Такой аномально низкий уровень неравенства может быть объяснён несколькими возможными причинами. Во-первых, население Беларуси может обладать какими-либо «врождёнными» качествами, обеспечивающими низкое неравенство даже во времена значительных социальных и экономических перемен (например, более

⁷ <http://belstat.gov.by/homep/en/indicators/labor.php>

⁸ В то время на Россию приходилось почти 2/3 белорусского экспорта и больше половины импорта. К настоящему времени ситуация стала противоположной – белорусский экспорт стал более диверсифицированным, тогда как зависимость от поставок российских энергоносителей и сырья усилилась.

⁹ Инфляция может иметь непосредственное влияние на неравенство, поскольку люди с различным уровнем дохода приобретают разные наборы товаров и услуг, поэтому изменения цен на них влияют по-разному. К сожалению, нет полных данных об изменениях цен на отдельные товары и услуги.

¹¹ Подробное описание методик построения различных индексов неравенства – в приложении к англоязычной версии данной статьи.

равномерное распределение образования и умений). Во-вторых, белорусское правительство могло специально удержать неравенство на низком уровне (возможно, ценой более высокой инфляции), сохранив большинство советских социальных гарантий, многие из которых были фактически отменены в России и Украине. В-третьих, в Беларуси крупные предприятия не были приватизированы, благодаря чему многие люди продолжали работать и получать зарплату по более эгалитарной «советской» тарифной сетке. Подробный анализ отмеченных причин представлен в разделе 6. Ему предшествует обзор данных и методологии, в соответствии с которой проводилось исследование (раздел 4) и описание неравенства в Беларуси эволюции и разбиении по источникам и подгруппам населения (раздел 5).

4. Методология¹¹ и описание данных.

Исследование неравенства в России и пост-советских странах осложнено задержками выплаты заработной платы и широким распространением различных видов неформальной экономической активности, особенно в 1990е годы. Доход от такой деятельности вряд ли будет полно отражён в опросах, поэтому в этой статье я применяю стандартные меры неравенства как к неравенству доходов, так и к неравенству расходов, чтобы иметь возможность проводить сравнения между странами.

К сожалению, не существует надёжных и совместимых данных о неравенстве в Беларуси в 1991-1994 годах. Только начиная с 1995 года, когда было начато проведение Выборочного Обследования Домашних Хозяйств¹², можно сконструировать адекватные меры неравенства среди населения Беларуси. Выборка является репрезентативной для всего населения (исключая лишь студентов, живущих в общежитиях, солдат в казармах и бездомных), в отличие от обследований советских времён, которые обычно включали лишь определённые категории рабочих и служащих. Каждое наблюдение содержит «вес», обратно пропорциональный вероятности попадания в выборку и скорректированный с учётом отказов от участия в интервью, благодаря чему выборка довольно точно воспроизводит структуру населения Беларуси¹³.

Данные, использованные в этой статье, представляют собой объединённые ежегодные срезы с 1995 по 2007 годы. Каждый срез содержит примерно 5 тысяч домашних хозяйств, представляющих всё население Беларуси. В каждом наблюдении – детальная информация о домашнем хозяйстве и его членах, распределение доходов¹⁴ и расходов по категориям, детальная информация о потреблении продуктов питания и о жилых помещениях. Данные представляют собой среднемесячные значения для

¹² Проект был создан с помощью Всемирного Банка и Евростата, качество данных на уровне аналогичных обследований в других европейских странах.

Результаты регулярно публикуются, см., например, <http://belstat.gov.by/homep/en/publications/1-09n.htm> и <http://belstat.gov.by/homep/en/publications/2-11n.htm>

¹³ Например, доля безработных в выборке 1999 года составляет 6,1% от экономически активного населения, тогда как по результатам переписи того же года их было 6,2%; людей старше 15 лет, имеющих среднее или высшее образование в выборке 69% против 71% в переписи; 31,8% сельского населения против 30,7%, и т.д.

¹⁴ Доход по определению Национального Статистического Комитета Республики Беларусь включает в себя доходы от продажи недвижимости и другие виды дохода (например, от операций с акциями и прочими ценными бумагами), которые скорее связаны с активами, нежели с доходом. Для получения более надёжных и методологически обоснованных оценок неравенства доходов, я исключаю эти виды дохода из рассмотрения. Все таблицы и графики в этой статье основаны на усовершенствованных оценках.

определённого года. Они собираются ежеквартально с помощью дневников, заполняемых в домашних хозяйствах, и вопросов, задаваемых интервьюёром.

Я также использую данные о физических лицах, составляющих исследуемые домашние хозяйства (примерно 14 тысяч наблюдений для каждого ежегодного среза): возраст, социо-экономический статус, зарплата и другие виды дохода, число детей, информация об их уровне образования и состоянии здоровья.

Этот набор данных почти не использовался западными исследователями. Только статьи Pastore and Verashchagina, основываясь на нём, изучают доходы от человеческого капитала и межполовой разрыв в доходах в 1996 и 2001 годах.

Данные представлены в текущих ценах, что в случае Беларуси усложняет сравнения между годами и с другими странами, в наибольшей степени из-за высокого уровня инфляции в 1991-2001 годах и де-факто фиксированного курса белорусского рубля к доллару США в 2004-2007 годах, из-за чего использование как индекса потребительских цен, так и обменного курса (официального, рыночного или паритета покупательной способности), не даёт возможность получить сопоставимые данные. Меры неравенства относительно и не зависят от выбора базового года или обменного курса, поэтому их можно применять и к номинальным данным, тогда как для изучения бедности (феномен, тесно связанный с неравенством) в Беларуси необходимо сначала найти действенный способ для перевода данных. Поскольку эти методологические проблемы ещё не решены, в данной статье я рассматриваю лишь неравенство.

5. Эволюция неравенства и его декомпозиция.

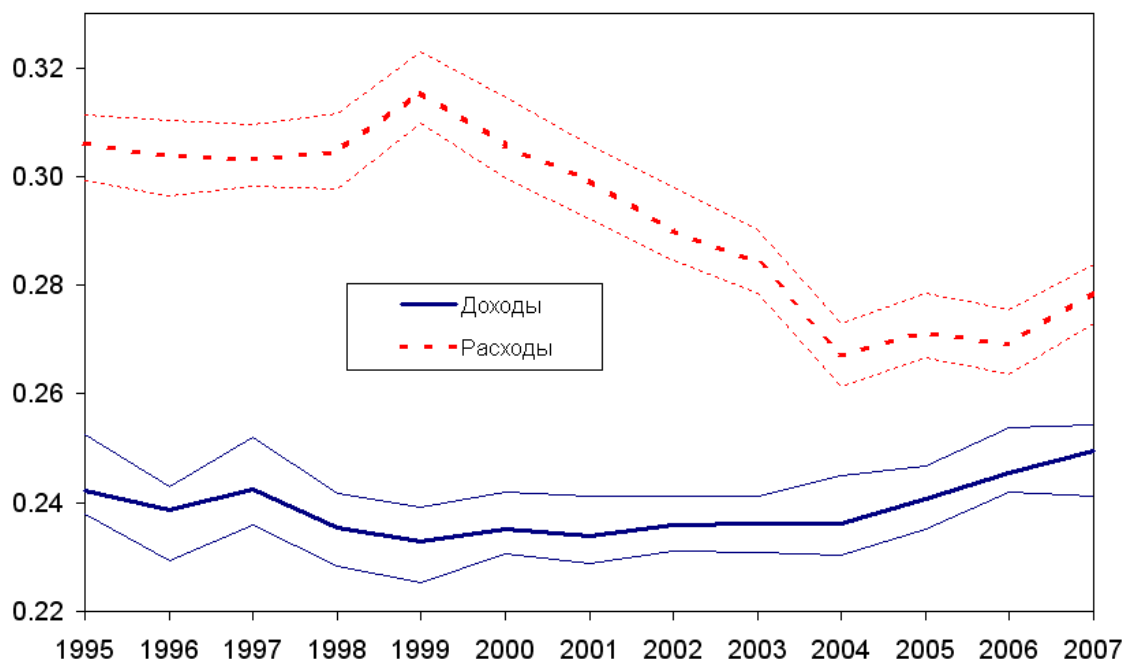

Рисунок 2. Изменение индекса Джини¹⁵ в Беларуси.

Источник: вычисления автора по данным выборочного обследования домашних хозяйств.

¹⁵ Тонкие линии показывают 95% доверительные интервалы (вычислены с помощью bootstrapping в программе Stata, модуль ineqerr). Другие индексы неравенства (Theil, Varlogs, коэффициент вариации) изменяются так же.

Неравенство доходов достигло своего максимума в Беларуси в середине 1990х годов. С 1995 года оно оставалось на довольно низком и стабильном уровне, выраженное как в индексе Джини, так и в индексе Тайла. Неравенство расходов (но не доходов) достигло максимума в 1999 году, после российского финансового кризиса, после чего снижалось. Тренд изменился в 2004 году, когда начался небольшой рост неравенства как доходов, так и расходов.

Интересная особенность – в Беларуси неравенство расходов выше, чем неравенство доходов, хотя обычно оно ниже (этот феномен детально рассмотрен в отдельном разделе). Тем не менее, оба вида неравенства в Беларуси ниже, чем в других постсоветских странах.

Региональное неравенство распределено почти равномерно между областями, ни в одной из них оно не отличается в значительной мере от других. Изменения в уровне неравенства для всей страны в основном обусловлены изменениями неравенства в Минске, который также имеет немного больший уровень неравенства в сравнении с другими городами. (Детальная информация доступна у автора по запросу.)

5.1 Декомпозиция неравенства по источникам. Кризис 1998 года.

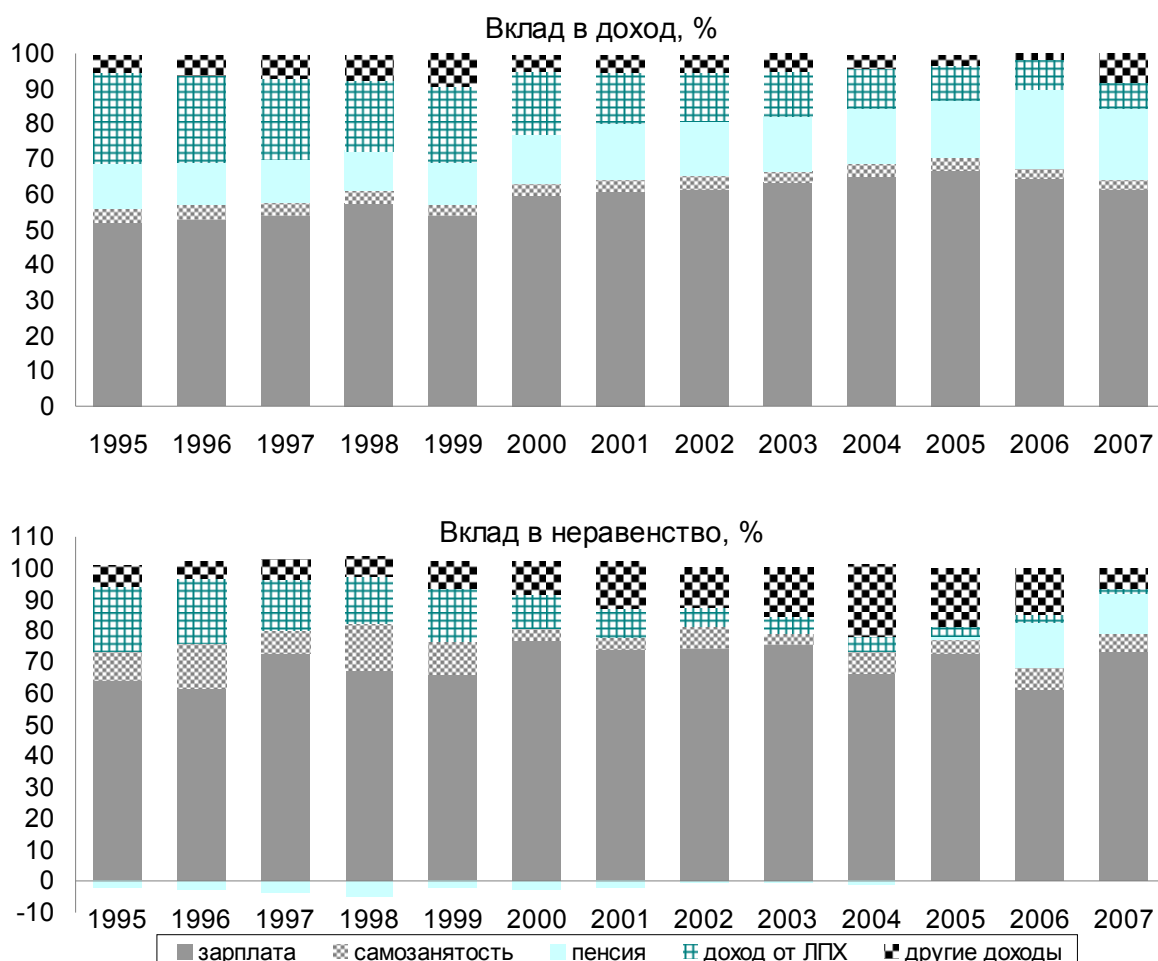

Рисунок 3. Разбиение неравенства по источникам¹⁶ дохода.

¹⁶ Разбиение было произведено в программе Stata с использованием модуля ineqfac. Вклад пенсий – отрицательный до 2004 года включительно.

Примечание: «самозанятость» – доходы от самозанятости и предпринимательской деятельности; «доход от ЛПХ» – доходы от личного подсобного хозяйства (в денежной и натуральной форме); «другие доходы» включают в себя дивиденды, стипендии, пособия по безработице, другие государственные дотации и пособия, материальную помощь от родственников и друзей.

Таблица 1. Доля источников дохода в общем доходе белорусских домохозяйств.

Источник дохода	1995	1999	2003	2007
зарплата	52,3%	54,0%	63,5%	61,5%
доход от само-занятости	3,6%	3,3%	3,1%	2,6%
пенсия	12,9%	11,8%	15,6%	20,5%
доход с приусадебных участков	25,6%	21,6%	12,6%	7,2%
другие доходы	5,1%	9,2%	5,0%	8,3%
Итого	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

Таблица 2. Вклад источников дохода в неравенство в Беларуси.

Источник дохода	1995	1999	2003	2007
зарплата	64,3%	66,2%	66,2%	73,4%
доход от само-занятости	9,5%	10,4%	10,4%	5,9%
пенсия	-2,0%	-2,2%	-2,2%	12,7%
доход с приусадебных участков	20,6%	16,9%	16,9%	1,8%
другие доходы	6,5%	8,5%	8,5%	6,2%
Итого	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

Источник: вычисления автора по данным белорусского выборочного обследования домашних хозяйств.

Как видно из таблицы 1, зарплата является основным источником дохода белорусов. Доход с дачных участков (как в денежной, так и в натуральной форме) был вторым наиболее важным источником дохода в середине 1990х, но его доля неуклонно снижалась с тех пор. Доля пенсий, напротив, росла (см. также рисунок 3). Это может быть одним из факторов, обеспечивающих низкий общий уровень неравенства, т.к. вклад пенсий в неравенство значительно меньше их доли в общем доходе – знак важности государственного социального обеспечения.

Необходимо отметить, что вклад пенсий в неравенство был отрицательным до 2005 года, т.е. они имели уравнивающий эффект. С 2005 года этот вклад стал положительным, что совпало с небольшим ростом неравенства доходов (см. рисунок 2), скорее всего, за ним стоят именно пенсии, а точнее – изменения в пенсионном законодательстве с 2005 года.

Вклад дохода с дачных участков и дохода от само-занятости уменьшается с годами. Это происходит как из-за того, что меньше людей имеют этот вид дохода, так и из-за его уменьшения относительно других видов дохода (в первую очередь, заработной платы).

Что касается кризиса 1998 года, он не оказал особого влияния на неравенство в Беларуси, хотя и имел драматический эффект на другие макро-экономические показатели, например, на инфляцию (превысившую 250% за год) или рост ВВП¹⁷ (который остался положительным, но наименьшим с 1995 года). Неравенство доходов не изменилось вообще (и осталось очень стабильным в последующие годы), а неравенство расходов возросло незначительно и затем уменьшалось до середины 2000х.

5.2 Неравенство доходов и неравенство расходов

Одна из интересных особенностей неравенства в Беларуси в том, что неравенство расходов здесь больше неравенства доходов, хотя обычно в странах с переходной экономикой оно меньше (см., например, Yemtsov, 2001), потому что домашние хозяйства с низким уровнем доходов используют долги или какие-то другие способы для поддержания уровня потребления.

Если предположить, что домохозяйства не утаивают ни доходы, ни расходы, тогда разное неравенство доходов и расходов будет означать разные уровни сбережений для разных уровней дохода. Если же имеет место частичное сокрытие доходов (которое обычно происходит при выборочных обследованиях домашних хозяйств), большее неравенство расходов может означать, что более богатые люди и скрывают свои доходы в большей степени. К сожалению, в Беларуси вдобавок ещё и нельзя исключить сокрытие расходов: из-за более высоких цен и меньшего выбора высококачественных (импортных) товаров многие белорусы отправляются за покупками за границу, обычно в Москву, Киев, Вильнюс или Варшаву. Конечно, это относится, прежде всего, к богатым людям. Это сокрытие расходов невозможно измерить, можно лишь приблизительно оценить, например, по количеству виз, выданных белорусам. Кстати, видимое сближение уровней неравенства доходов и расходов (рисунок 2) может означать увеличение сокрытия расходов до уровня сокрытия доходов.

¹⁷ Обширная литература о связи неравенства и роста ещё не выработала единую позицию по этому поводу. Некоторые исследования (например, Miyazawa, 2006 и Sukiassyan, 2007) находят отрицательную связь, тогда как другие оценивают её положительно (например, García-Peñalosa and Turnovsky, 2006 и Lopez, 2007). В случае Беларуси, я не нашёл никакой зависимости между ними, т.к. индекс Джини для дохода колеблется в пределах 1 процентного пункта в течение всех 13 лет выборки, а его 95% доверительные интервалы практически не меняются (см. рисунок 2).

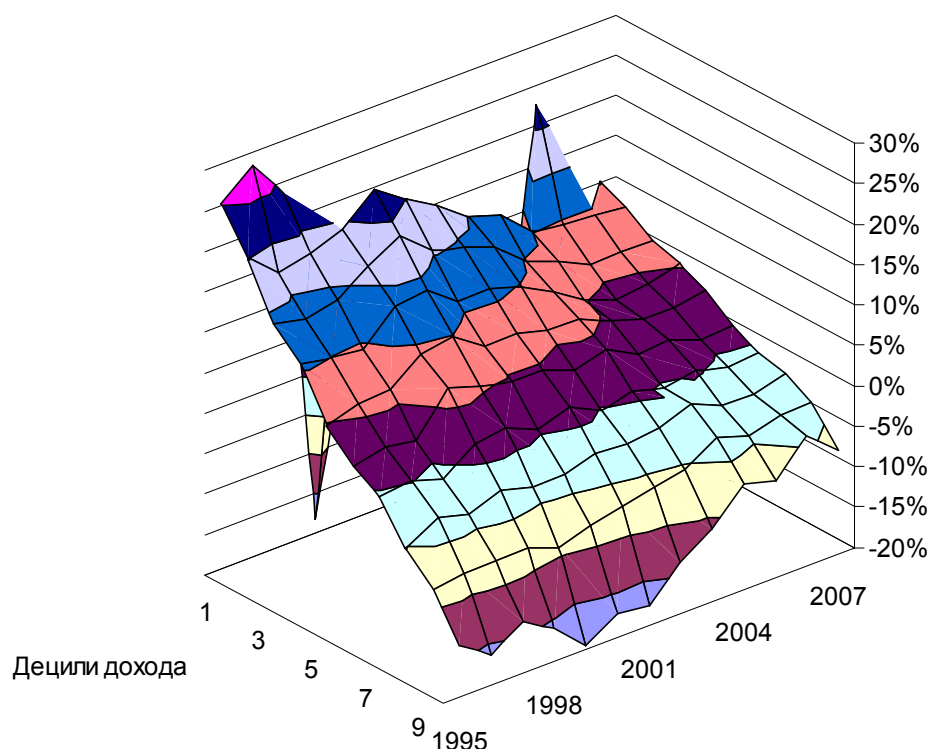

Рисунок 4. Относительная разница между долями доходов и расходов по децилям дохода.

Чтобы пролить свет на этот явление, я разбиваю доходы и расходы белорусских домохозяйств по децилям дохода. Это разбиение выявляет две интересных особенности.

Во-первых, доли децилей почти постоянны в 1995-2007 годах, за исключением трёх эпизодов: (а) большое падение¹⁸ доли *доходов* беднейших 10% населения, произошедшее одновременно с кризисом 1998 года (с 4,2% в 1997 до 2,7% в 1998 и 3,1% в 1999) – при этом бедные смогли смягчить эффект кризиса на их *расходы*, где аналогичного падения не произошло; (б) падение доли расходов беднейших 10% с 3,6% в 2004 до 2,4% в 2005, совпавшее с изменениями в пенсионном законодательстве; (в) постепенное уменьшение доли *расходов* богатейших 10% (но не доли их *доходов*), являющееся основной причиной общего уменьшения неравенства расходов, но также, возможно, свидетельствовать об увеличении сокрытия расходов.

Во-вторых, за исключением беднейших 10% (чьи доли расходов и доходов меняются в значительной мере год от года), разница между долей доходов и долей расходов уменьшается с ростом дохода, но практически не изменяется с годами. Самые бедные имеют долю доходов, которая превышает долю расходов, тогда как для самых богатых ситуация обратная (рис. 4). Это указывает на возможное сокрытие доходов среди самых богатых, но не на его уменьшение – напротив, скорее всего оно сопровождается увеличивающимся сокрытием расходов.

6. Беларусь в сравнении с Украиной.

Украина – наилучшая страна для сравнения с Беларусью, потому что эти страны во многих аспектах схожи (история, структура экономики, рыночные реформы в

¹⁸ С учётом общего падения доходов, это относительное падение выглядит ещё более драматичным в абсолютных цифрах.

первой половине 1990х) и различны в других (политическая ситуация, социальная политика государства). Беларусь и Украина имеют тесные экономические и культурные связи. Чтобы не перегружать статью излишней информацией, я сравниваю «моментальные снимки» двух экономик в 2002 году, когда позади были уже 10 лет перехода к рыночной экономике, а последствия кризиса 1998 года были, в основном, преодолены. (Все цифровые данные в этом разделе относятся к 2002 году и взяты у национальных статистических комитетов соответствующих стран, если не указано иное.)

Таблица 3. Разбиение неравенства по источникам дохода в 2002 году.

Источник дохода	Доля источника		Вклад источника в неравенство		Вклад источника в индекс Джини	
	Украина	Беларусь	Украина	Беларусь	Украина	Беларусь
Зарплата	50,1%	61,3%	48,0%	74,3%	20,1	17,5
доход от само-занятости	4,0%	3,9%	4,2%	7,1%	1,8	1,7
пенсия	15,0%	15,9%	9,7%	0,4%	4,1	0,1
доход с приусадебных участков	20,1%	13,4%	25,2%	6,3%	10,5	1,5
Другие доходы	10,8%	5,5%	12,9%	12,7%	5,3	3,0
Итого	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	41,8	23,6

Источник: вычисления автора по данным белорусского и украинского выборочного обследования домашних хозяйств.

В 2002 году украинские домохозяйства получали половину своих доходов в виде зарплат, 4% от само-занятости, 15% от пенсий, стипендий и других социальных платежей, 20% от их приусадебных участков (в денежном и натуральном выражении), а остальное – из прочих источников, включая 8,6% помощи от родственников, друзей и благотворительных организаций. В Беларуси ситуация была схожей, за двумя важными исключениями: зарплаты играли более важную роль (свыше 60%), а доход с приусадебных участков играл менее важную роль как исходя из доли (20% в Украине против 13% в Беларуси), так и исходя из вклада в уровень неравенства (25% против 6%).

На первый взгляд системы социальной защиты в двух странах могут показаться одинаковыми, но на самом деле это не так. Во-первых, безработица в Украине значительно выше: по официальным данным она составила 10,3% (17,2% по расчетам на основе данных выборочного обследования домашних хозяйств) экономически активного населения, а в Беларуси всего 3,0% (5,8%). При этом в среднем вклад пособий по безработице в общий доход одинаков в обоих странах, что свидетельствует о том, что в Беларуси они выше. Во-вторых, задержки с выплатой заработной платы были широко распространены в Украине в 2002 году (Berry and Schelzig, 2005), тогда как в Беларуси их практически не было (World Bank, 2004). Вдобавок, роль помощи от родственников и друзей в Украине значительно больше.

Что касается расходов, украинские домохозяйства в среднем тратили 123,5 USD (по рыночному курсу) в месяц, из которых 59,1% на продукты питания, тогда как в Беларуси эти цифры составили 154 USD и 43,9% соответственно, что свидетельствует о

том, что украинцы в среднем беднее белорусов. Они также в среднем тратят больше, чем зарабатывают, что может быть объяснено заимствованиями и сокрытием доходов.

Расчёты индексов Тейла и Джини для Украины по данным выборочного обследования домашних хозяйств дали следующие результаты: Джини доходы/расходы 0,418/0,411, Тейл 0,291/0,280. В отличие от Беларуси, для Украины индексы неравенства доходов и расходов очень близки, а их 95% вероятностные интервалы вообще пересекаются. При этом в Украине неравенство доходов выше неравенства расходов, что более интуитивно, в отличие от белорусского случая.

Таблица 4. Доли расходов и доходов¹⁹ по децильным группам, 2002 год.

Децильная группа (доход)	Доля доходов			Доля расходов		
	Украина	Беларусь	разница, п.п.	Украина	Беларусь	разница, п.п.
нижние 10%	0,9%	0,9%	-2,9	1,3%	1,3%	-1,9
2	2,9%	2,9%	-3,0	2,9%	2,9%	-2,1
3	4,2%	4,2%	-2,9	4,3%	4,3%	-1,9
4	5,6%	5,6%	-2,4	5,8%	5,8%	-1,4
5	7,0%	7,0%	-1,8	7,2%	7,2%	-1,0
6	8,8%	9,7%	-0,9	8,8%	9,4%	-0,6
7	10,9%	10,7%	0,2	10,9%	10,7%	0,2
8	13,7%	12,1%	1,7	13,6%	12,4%	1,2
9	17,6%	14,1%	3,6	17,3%	14,9%	2,4
верхние 10%	28,4%	20,0%	8,4	27,9%	22,7%	5,2

Источник: вычисления автора по данным белорусского и украинского выборочного обследования домашних хозяйств.

Сравнение долей доходов и расходов децилей (см. таблицу 4) выявляет несколько интересных феноменов. Доли доходов и расходов практически совпадают в Украине, но значительно отличаются в Беларуси (см. раздел 5.3). При этом распределение доходов и расходов в Беларуси явно более концентрированное.

Согласно страновому отчёту Всемирного Банка (World Bank, 2007) для Беларуси характерны «всесторонняя социальная защита и хороший базовый уровень образования и здравоохранения, доступные и сохранённые с советских времён». Другой отчёт (World Bank, 2004) утверждает, что «Республика Беларусь имеет хорошо развитую систему социальной защиты. Более 14% ВВП или 31% консолидированного бюджета было направлено на социальную помощь и страховые программы²⁰. Вдобавок, квази-социальные трансферты предприятий в 2002 году составили примерно 2-3% ВВП (с. 59). Что касается Украины, аналогичный отчёт (World Bank, 2005) объясняет: «Различия в покрытии и в пенсионном обеспечении по группам дохода приводят к тому, что бедные получают меньшие пенсии, чем богатые. Это приводит к неравному распределению бенефитов. Существуют значительные пробелы в целевом социальном страховании и таргетировании бедных» (с. 45). Это объясняет, почему пенсии сыграли

¹⁹ Отрицательная разница означает, что соответствующая децильная группа в Украине получает меньшую долю доходов (расходов), чем в Беларуси. Чем эта разница больше, тем беднее украинская децильная группа относительно белорусской, и наоборот.

²⁰ Однако, из всех социальных трансфертов только пенсии играют значительную роль. Все остальные их виды получают лишь немногие домохозяйства.

значительную роль в уменьшении неравенства в Беларуси (по крайней мере до 2005 года), но не в Украине.

С другой стороны, доля людей, работающих на государственных предприятиях, очень высока в Беларуси – она уменьшилась с 60% в 1995 до 50% в 2007, тогда как в Украине уже в 1999 году она достигла 31%. Поскольку зарплаты являются самым важным источником дохода в обеих странах, это должно объяснить, по крайней мере частично, меньший уровень неравенства в Беларуси.

Общий вывод из сравнения двух стран может быть следующим: Беларусь и Украина начали переход к рыночной экономике с одинаковых стартовых условий (включая распределения доходов), к 2002 году они стали различными в одних областях (таких как пособия по безработице и другие социальные трансферты), но остались достаточно близкими в других (например, слабое развитие само-занятости и неестественно низкие официальные уровни безработицы).

7. Заключение.

Используя данные выборочного обследования домашних хозяйств, я нахожу, что неравенство в Беларуси было низким и практически стабильным в 1995-2007 годах с небольшим подъёмом в 1998 году из-за российского финансового кризиса. Этот вывод одинаков при использовании любых индексов неравенства, например, Джини или Тейла. Разбиение неравенства по источникам дохода показывает, что факторы с наибольшей долей (зарплаты, пенсии, доход от приусадебных участков) имеют и наибольший вклад в неравенства, при этом доля и вклад зарплат растут, а доля и вклад других видов доходов снижаются со временем.

Сравнение неравенства в Беларуси и Украины – двух советских республик с наименьшими уровнями неравенства в 1990 году – показывает, что в Украине оно удвоилось, а в Беларуси осталось практически на советском уровне. Причины этого – различные социальные политики двух государств (особенно пенсии), а также то, что в Беларуси больше половины занятых по-прежнему работает на государственных предприятиях.

Общий вывод – правительству Беларуси удалось удержать неравенство доходов на невысоком уровне при экономическом росте в среднем 6% в год (однако, неравенство расходов при этом выше).

Список литературы.

- Aghion, P., & Commander, S. (1999). "On the dynamics of inequality in the transition". *Economics of Transition*, Vol. 7, No. 2, pp. 275-298.
- Aivazian, S., & Kolenikov, S. (2001). "Poverty and expenditure differentiation of the Russian population". EERC Working Paper No. 01/01.
- Alam, A., Murthi, M., Yemtsov, R., Murrugarra, E., Dudwick, N., Hamilton, E. et al. (2005). *Growth, Poverty and Inequality: Eastern Europe and the Former Soviet Union*. The World Bank, 2005. 322 p.
- Atkinson, A. B. (1970). "On the measurement of inequality". *Journal of Economic Theory*, Vol. 2, pp. 244-263.
- Berkowitz, D., & Jackson, J. E. (2006). "Entrepreneurship and the evolution of income distributions in Poland and Russia". *Journal of Comparative Economics*, Vol. 34, 2006, pp. 338--356.
- Berry, A., & Schelzig, K. (2005). *Economic Collapse, Poverty, and Inequality During Ukraine's Difficult Transition*. USAid (United States Agency for International Development) report, 2005, 98 p.

- Brainerd, E. (1998). "Winners and losers in Russia's economic transition". *The American Economic Review*, Vol. 88, No. 5, Dec. 1998, pp. 1094-1116.
- Brainerd, E. (2002). "Inequality and mortality during Russia's economic transition". In Freeman, R. B. (Ed.) (2002). *Inequality around the world*. IEA Conference Volume No. 134. Palgrave Macmillan, 2002, pp. 162-187.
- Brück, T., Danzer, A. M., Muravyev, A., & Weißhaar, N. (2007). "Changes in determinants of poverty and inequality during transition: Household survey evidence from Ukraine". IZA Discussion Paper No. 3228, Dec. 2007.
- Conceição, P., & Ferreira, P. (2000). "The young person's guide to the Theil index: Suggesting intuitive interpretations and exploring analytical applications". UTIP Working Paper Number 14. The University of Texas at Austin, February 29, 2000. 54 p.
- Dalton, H. (1920). "The measurement of the inequality of incomes". *The Economic Journal*, Vol. 30, No.119, Sep. 1920, pp. 348-361.
- Deaton, A. S. (1998). *The analysis of household surveys: a microeconomic approach to development policy*. Johns Hopkins Univ. Press, Baltimore, for the World Bank, 1998, 479 p.
- Dikhanov, Y. (1996). "Decomposition of inequality based on incomplete information". A contributed paper to the IARIW 24th General Conference. Lillehammer, Norway, August 18-24, 1996.
- DiNardo, J., Fortin, N. M., & Lemieux, T. (1996). "Labor market institutions and the distribution of wages, 1973-1992: A semiparametric approach". *Econometrica*, Vol. 64, No. 5, Sep. 1996, pp. 1001-1044.
- Foster, J., Greer, J., & Thorbecke, E. (1984). "A class of decomposable poverty measures". *Econometrica*, Vol. 52, No. 3, May 1984, pp. 761-766.
- Ganguli, I., & Terrell, K. (2005) "What drives changes in wage inequality in Ukraine's transition?" Paper presented at IZA-EBRD International Conference on Labor Market Dynamics, the Role of Institutions and Internal Labor Markets in Transition and Emerging Market Economies, May 2005.
- Ganguli, I., & Terrell, K. (2006) "Institutions, markets and men's and women's wage inequality: Evidence from Ukraine". *Journal of Comparative Economics*, Vol. 34, pp. 200-227.
- García-Peñalosa, C., & Turnovsky, S. J. (2006). "Growth and income inequality: a canonical model". *Economic Theory*, Vol. 28, No. 1, May 2006, pp. 25-49.
- Garner, T. I., & Terrell, K. (1998). "A Gini decomposition analysis of inequality in the Czech and Slovak Republics during the transition". *Economics of Transition*, Vol. 6, No. 1, pp. 23-46.
- International Monetary Fund (2005). *Republic of Belarus: Selected Issues*. IMF Country Report No. 05/217.
- International Monetary Fund (2006). *Republic of Belarus: Selected Issues*. IMF Country Report No. 06/315.
- Kakwani, N. (1979). "Issues in measurement of poverty". Discussion Paper No. 330, Queens University, Kingston, Canada.
- Kakwani, N. (1981). "Note on a new measure of poverty". *Econometrica*, Vol. 49, No. 2, Mar. 1981, pp. 525-526.
- Kakwani, N. (1995). "Income inequality, welfare and poverty. An illustration using Ukrainian data". *World Bank Policy Research Working Paper No. 1411*, the World Bank, Jan. 1995, 62 p.
- Keane, M. P., & Prasad, E. S. (2002). "Inequality, transfers, and growth: New evidence from the economic transition in Poland". *The Review of Economics and Statistics*, Vol. 84 (2), May 2002, pp. 324--341.
- Lindauer, D. L.(1999). *Labor and poverty in the Republic of Moldova. Moldova: Poverty Assessment Technical Papers 19846-MD*. The World Bank, 1999.
- Lopez, H. (2007). "Growth and inequality: Are the 1990s different?" *Economics Letters*, Vol. 93, No. 1, Oct. 2006, pp. 18-25.
- Luttmer, E. F. P. (2001). "Measuring poverty dynamics and inequality in transition countries. Disentangling real events from noisy data". *World Bank Policy Research Working Paper No. 2549*. The World Bank, 2001.
- Milanovic, B. (1998). *Income, inequality and poverty during the transition from planned to market economy*. World Bank regional and sectoral studies, 1998, 237 p.

- Miyazawa, K. (2006). "Growth and inequality: a demographic explanation". *Journal of Population Economics*, Vol. 19, No. 3, pp. 559--578.
- Oaxaca, R. (1973). "Male-female wage differentials in urban labor markets". *International Economic Review*, Vol. 14, No. 3, Oct. 1973, pp. 693-709.
- Shorrocks, A. F. (1982). "Inequality decomposition by factor components". *Econometrica*, Vol. 50, No. 1, Jan. 1982, pp. 193-211.
- Sukiassyan, G. (2007). "Inequality and growth: What does the transition economy data say?" *Journal of Comparative Economics*, Vol. 35, No. 1, Mar. 2007, pp. 35-56.
- Van Kerm, P. (2003). "Adaptive kernel density estimation". *The Stata Journal*, Vol. 3(2), pp. 148-156.
- World Bank (1996). Belarus. An assessment of poverty and prospects for improved living standards. Report No. 15380-BY. The World Bank, 1996, 80 p.
- World Bank (2000). Making transition work for everyone : poverty and inequality in Europe and Central Asia. Chap. 4: A look at income inequality. The World Bank, 2000, 524 p.
- World Bank (2002). Transition - The First Ten Years: Analysis and Lessons for Eastern Europe and the Former Soviet Union. The World Bank, 2002, 128 p.
- World Bank (2004). Belarus: Poverty assessment. Can Poverty Reduction and Access to Services Be Sustained? The World Bank, 2004, 103 p.
- World Bank (2005). Ukraine: Poverty assessment. Poverty and Inequality in a Growing Economy. The World Bank, 2005, 111 p.
- World Bank (2006). World Development Indicators. Electronic version. The World Bank, 2006.
- World Bank (2007). Belarus - Country Brief. Electronic version. The World Bank, 2007.
- World Bank (2008). Migration & Remittances Factbook 2008. Electronic version. The World Bank, 2008.
- Yemelyanau, M. (2009) "Inequality in Belarus from 1995 to 2007". BEROCC Working Paper No. 001, Belarusian Economic Research and Outreach Center, Apr. 2009, 43 p.
- Yemelyanau, M. (2009). "Second agriculture in Belarus and Ukraine: subsistence or leisure?" Work in progress.
- Yemtsov, R. (2001). "Inequality and income distribution in Georgia." IZA Discussion Paper No. 252, January 2001.